

вшимся обстоятельствам. В законе сказано, что этот срок исчисляется с момента открытия новых обстоятельств. Такое указание закона не отличается четкостью и ясностью; непонятно, когда следует считать открытыми новые обстоятельства: с момента, когда об этом стало известно прокурору, или с момента вступления в законную силу приговора суда о подложности доказательств или преступных злоупотреблениях судей и лиц, производивших расследование. Было бы правильным заменить термин «со дня открытия» другим — «со дня установления новых обстоятельств», т. е. после вступления приговора по новому делу в законную силу.

Не отрегулирован в УПК союзных республик и вопрос о том, как должен поступить прокурор с материалами рассмотрения вновь открывшихся обстоятельств при возбуждении нового уголовного дела о подложности доказательств или преступных злоупотреблениях судей и лиц, производивших расследование: должны ли они быть приобщены к новому уголовному делу или оставаться у прокурора? Представляется, что такие материалы служат основанием для возбуждения нового уголовного дела и поэтому приобщаются к нему. У прокурора же должно быть надзорное производство, в котором обязательно находятся копии таких процессуальных документов, как постановление о возбуждении расследования вновь открывшихся обстоятельств, о возбуждении нового уголовного дела о подложности доказательств и преступных злоупотреблениях судей или лиц, производивших расследование, а также копия письма прокурора о направлении этого дела в суд с просьбой об уведомлении его о результатах рассмотрения дела.

После рассмотрения нового дела судом и вступления в законную силу приговора прокурор района (города) должен составить заключение об установлении вновь открывшихся обстоятельств и направить его прокурору области для принесения протеста в надзорную инстанцию суда по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ю. М. Грошевой, д-р юрид. наук, Д. И. Пышнев

**ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УСЛОВНОМ
ОСВОБОЖДЕНИИ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ
ОСУЖДЕННОГО К ТРУДУ**

Основное направление советской исправительно-трудовой политики заключается в неуклонном обеспечении непрерывности исправительно-трудового воздействия на личность осужденного. Одним из правовых средств этого процесса, опосредствующим достижение ближайших целей наказания, являются дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лише-

ния свободы. Введение в Основы уголовного законодательства ст. 44² (ст. 52² УК УССР) свидетельствует о дальнейшей гуманизации исправительно-трудовой политики Советского государства, поскольку лицо, осужденное к лишению свободы, отбывшее определенную часть срока наказания и вставшее на путь исправления, подлежит условному освобождению с обязательным привлечением к труду, т. е. процесс перевоспитания данного лица завершается без изоляции его от общества в условиях системы трудовых коллективов.

Эта законодательная новелла вытекает из ленинского указания о постепенной замене лишения свободы принудительным трудом [см. 1, с. 408]. Применение условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду имеет важное значение для закрепления результатов воспитательного процесса, повышения его эффективности в деле последовательного снижения уровня рецидивной преступности. Основания применения такого вида условного освобождения от отбывания наказания могут быть разделены на материально-правовые, процессуальные фактические, прогностические. Отметим, что эти основания находятся в диалектической взаимозависимости и взаимодополняемости. Поэтому при рассмотрении материалов об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду суды должны устанавливать наличие или отсутствие всех указанных оснований, ибо исследование только одного из них влечет за собой принятие незаконного и необоснованного решения.

К материально-правовым основаниям относятся: отбытие осужденным определенной части срока наказания; совершеннолетие осужденного; его трудоспособность. Процессуальным основанием является наличие представления администрации ИТУ, согласованного с наблюдательной комиссией. Фактические основания охватывают совокупность таких данных, которые обуславливают достоверность вывода суда о том, что лицо, представляемое к условному освобождению, встало на путь исправления. Прогностическим основанием выступает такая совокупность обстоятельств, которая позволяет суду заключить, что дальнейшее исправление и перевоспитание осужденного возможно без изоляции его от общества, но при надзоре за ним в условиях социальной жизни трудового коллектива.

Хотя ст. 52² УК УССР не содержит формулировки фактического основания, указание закона на то, что суд должен установить по этой категории дел возможность дальнейшего исправления и перевоспитания осужденного без изоляции его от общества, позволяет утверждать, что вывод суда предполагает исследование вопроса: встал ли осужденный на путь исправления. Данное основание важно и для отграничения этого института от института условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания. К сожалению, на прак-

тике допускается смешение оснований применения условно-досрочного и условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду, а в процессуальной литературе не сложилось единства мнений. Анализ материально-правовых и процессуальных оснований не вызывает затруднений, поскольку закон четко регламентирует их, но определенную сложность представляют прогностические и фактические основания применения указанных видов условного освобождения. Судебная практика показывает, что суды не всегда правильно подходят к применению условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду, допуская здесь смешение оснований этого вида условного освобождения и оснований условно-досрочного освобождения. Так, по делу С. Верховный Суд РСФСР, отменяя решение народного суда о неприменении к осужденному условного освобождения с обязательным привлечением к труду, сослался на то, что у судане было оснований считать шестимесячный срок непродолжительным для того, чтобы С. мог доказать свое исправление [см. 4, 1978, № 7, с. 6]. При такой ситуации ущемляются права и законные интересы осужденных, так как указанная Верховным Судом РСФСР по данному делу формулировка в отказе применить к С. условное освобождение противоречит закону, поскольку лишь при условно-досрочном освобождении необходимо установить, что осужденный доказал свое исправление примерным поведением и честным отношением к труду (ст. 52 УК РСФСР). Иными словами, условно-досрочное освобождение применяется к лицам уже исправившимся, т. е. к тем, в отношении которых достигнуты ближайшие цели наказания. По нашему мнению, следует согласиться с Л. Е. Орлом, который справедливо отмечает, что «под исправлением осужденного понимается устранение из его психики порочных наклонностей, приведших его к совершению преступления или способствовавших этому преступлению, а также привитие осужденному таких взглядов и привычек в дисциплине труда и поведении в быту, которые исключают возможность совершения им новых преступлений» [7, с. 8]. Такой же точки зрения придерживаются В. Филимонов [см. 11, с. 9] и Н. Мольков [см. 7, с. 4], которые считают, что условно-досрочное освобождение возможно лишь в том случае, если осужденный доказал свое исправление примерным поведением и честным отношением к труду. Применение же условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду возможно лишь к лицам, вставшим на путь исправления, но в отношении которых воспитательный процесс может быть завершен без дальнейшей изоляции их от общества в условиях воздействия социальных связей трудовых коллективов и надзора за ними. Поэтому права О. Белявская, полагая, что отличие условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду от

условно-досрочного освобождения состоит в том, что для применения первого вида условного освобождения достаточно установления того, что осужденный встал на путь исправления, тогда как применение условно-досрочного освобождения возможно лишь к лицам, доказавшим свое исправление [см. 3, с. 42]. Вместе с тем в литературе недостаточно полно раскрыто содержание понятия «лицо, вставшее на путь исправления». По нашему мнению, основное внимание здесь сосредоточено на таком изменении в направленности личности осужденного, которое свидетельствует о том, что он начал вырабатывать личностное отношение к социальным ценностям, отвечающее интересам общества. Следовательно, суды должны тщательно исследовать материалы об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду и в каждом случае устанавливать данные, указывающие на то, что лицо встало на путь исправления. Поэтому заслуживает поддержки мысль И. М. Гуткина о том, что «для принятия решения об условном освобождении с обязательным привлечением к труду необходимо не только наличие формальных оснований, но и установление фактических обстоятельств, свидетельствующих, что осужденный встал на путь исправления и дальнейшее его исправление возможно без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора» [см. 6, с. 44]. Это обстоятельство особо подчеркивается в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 24 ноября 1978 г. «О судебной практике по применению условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» [см. 4, 1979, № 1, с. 2]. В этой связи вызывает возражение позиция авторов, которые строго не различают фактических оснований условно-досрочного и условного освобождения с обязательным привлечением к труду. Так, В. Басков утверждает, что «задача прокурора — не допустить условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы осужденных, не вставших на путь исправления» [2, с. 56]. Но в ст. 44 Основ, на которую автор ссылается далее, содержится положение, что условно-досрочное освобождение от наказания применимо лишь к тем осужденным, кто примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление. Здесь В. Басков смешивает фактические основания условного освобождения с обязательным привлечением к труду с фактическими основаниями условно-досрочного освобождения.

Анализ практики применения условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду позволяет выявить типичные ошибки, которые в значительной степени обусловлены тем, что суды делают вывод о возможности применения к лицу данного вида условного освобождения от отбытия наказания без учета всех оснований для этого. Так, из

изученных нами дел об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду в 31,3% определений суды лишь указывают, что лицо встало на путь исправления, которое может быть завершено без дальнейшей изоляции его от общества, не мотивируя этот вывод конкретными фактами; в 22,4% дел сослались только на одно из материально-правовых оснований; в 18,1% мотивировали свои определения ссылкой на комбинацию двух оснований: материально-правовых и фактических, а именно, что лицо отбыло определенную часть срока наказания и встало на путь исправления; в 15% дел суды, не приводя конкретных доказательств, констатировали факт дальнейшего исправления лиц без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ними надзора. И лишь в 13% дел обосновали свои определения ссылкой на все четыре основания применения данного вида условного освобождения от наказания, подробно их мотивируя доказательствами.

Исследование материалов судебной практики позволило выявить и случаи, когда суды мотивировали вывод об отказе в применении условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду ссылкой на основания, не вытекающие из содержания статьи 52² УК УССР. Так, по изученным делам об отказе в условном освобождении в 11,3% дел суды отказ в применении условного освобождения мотивировали ссылкой на то, что к осужденному ранее применялся этот вид освобождения, но за нарушение или злостное уклонение от работы или злостное употребление спиртных напитков он возвращен в ИТУ; в 9,1% сослались на большую степень общественной опасности совершенного преступления и личность осужденного; в 7,3% отказ в условном освобождении лица мотивировали тем, что осужденный отбыл сравнительно небольшой срок назначенного ему наказания. Таким образом, применение статьи 52² УК УССР вызывает на практике определенные трудности, происходит смешение институтов условного освобождения с обязательным привлечением к труду и условно-досрочного освобождения. В определенной мере это объясняется тем, что законодатель не установил предмет доказывания по делам об условном освобождении осужденного с обязательным привлечением к труду.

Отсутствие четкого определения в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 407¹ УПК УССР) предмета доказывания по делам об условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду приводит к такому положению, когда некоторые суды по своему усмотрению определяют предмет доказывания и устанавливают обстоятельства, которые не дают возможности решить вопрос о законном и обоснованном применении (неприменении) к данному лицу условного освобождения с обязатель-

ным привлечением его к труду. Все это позволяет сделать вывод о необходимости выработки и законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве предмета доказывания, охватывающего перечень обстоятельств ориентировочного характера, установление которых при рассмотрении материалов об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду позволит суду принять законное и обоснованное решение.

В исправительно-трудовом законодательстве четко определены основные средства исправительно-трудового воздействия на осужденных с целью их исправления и перевоспитания: режим отбывания наказания; общественно-полезный труд; общеобразовательное и профессионально-техническое обучение; политико-воспитательная работа. Режим отбывания наказания призван обеспечивать не только реализацию целей уголовного наказания, но и воспитывать осужденных в духе сознательного выполнения правил отбывания наказания и, таким образом, создавать условия для эффективного применения иных средств исправительно-трудового воздействия. Среди всех этих средств главное место отводится общественно-полезному труду, составляющему основу исправления и перевоспитания осужденных. Следовательно, честное отношение к труду является одним из фактов, подтверждающих, что лицо встало на путь исправления. В системе мер исправительно-трудового воздействия на личность осужденного важное место закон отводит идейно-политическому и нравственному воспитанию и перевоспитанию, а именно: политико-воспитательной работе, общеобразовательному и профессионально-техническому обучению. Отсюда вытекает, что если осужденный честно относится к труду, посещает и положительно реагирует на мероприятия политико-воспитательного характера, обучается в общеобразовательной школе или профессионально-техническом училище, то это дает возможность суду заключить, что осужденный встал на путь исправления.

Отметим, что положительное отношение осужденного к обучению в школе или профессионально-техническом училище и другим мероприятиям политико-воспитательного характера, проводимым в ИТУ, свидетельствует о появлении у него социально полезных потребностей и интересов. Кроме того, суд должен исследовать и степень участия осужденного в общественной жизни ИТУ, самостоятельных организациях, что является одним из оснований решения вопроса о степени исправления осужденного и возможности завершения его исправления и перевоспитания с использованием силы общественного мнения трудовых коллективов.

Как указал Пленум Верховного Суда СССР, «вывод о возможности дальнейшего исправления и перевоспитания лица суды должны делать из учета всей совокупности сведений о личности осужденного и данных, характеризующих его за все время

пробывания в ИТУ» [см. 4, 1979, № 1, с. 2]. Законодатель при условном освобождении с обязательным привлечением к труду устанавливает осуществление за освобожденным надзора. Это говорит о том, что хотя лицо и стоит на пути исправления, но все же для завершения процесса его исправления и перевоспитания за ним необходим достаточно жесткий контроль. Сказанное объясняется и спецификой социально-психологического механизма адаптации осужденного после его освобождения из ИТУ, т. е. условно освобожденный переходит в новую социальную среду при условии, что он не в полной мере доказал свое исправление и когда эта социальная среда должна завершить его социализацию в системе трудовых коллективов, при осуществлении за ним надзора. Таким образом, социальная адаптация условно освобожденного от наказания в силу недостаточной глубины его исправления, достигнутой в местах лишения свободы, а также индивидуально-психологических особенностей его личности связана с определенными нравственно-психологическими трудностями процесса его социализации и вызывает необходимость надзора за ним. Поэтому поведение осужденного в местах лишения свободы может быть лишь удовлетворительным, но при наличии других оснований применения условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду недопустим отказ в условном освобождении.

Законодатель четко определил в ст. 52² УК УССР основания отказа в условном освобождении осужденного с обязательным привлечением к труду: неприменение данного института к лицам, указанным в ст. 25¹ УК УССР, и к лицам, систематически или злостно нарушающим режим отбывания наказания. Если первое условие неприменения условного освобождения по ст. 52² УК УССР законодатель полностью формализовал, то выяснение содержания второго условия представляет определенную сложность в силу его оценочного характера. Вместе с тем в науке исправительно-трудового права и судебной практике вопрос о содержании понятия злостного нарушения режима содержания решается противоречиво. Так, о злостности нарушения режима содержания могут свидетельствовать факты изготовления, хранения и сбыта осужденными клинковых орудий [см. 8, с. 522], а также систематический отказ от работы, игры в карты, угроза расправой надзирателям [см. 4, 1978, № 7, с. 12].

Не считая возможным приводить точки зрения различных авторов, отметим, что, по нашему мнению, злостные нарушения режима отбывания наказания — это не единичные факты, а определенная линия, более того, стиль поведения осужденного в местах лишения свободы, сознательно противостоящего системе мер исправительно-трудового воздействия. Эту позицию поддерживают и авторы научно-практического комментария к УК УССР: «Злостное нарушение образуют случаи, когда осужденный пред-

намеренно и упорно, несмотря на принимаемые администрацией мест лишения свободы меры, не желает соблюдать требования установленного режима отбывания наказания» [9, с. 190].

Сказанное дает возможность сделать вывод о том, что установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду, позволит суду принять законное и обоснованное решение о применении к осужденному условного освобождения или отказать в нем. Сужение судами предмета доказывания по делам об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду ведет к принятию незаконного и необоснованного решения. В свою очередь, расширение предмета доказывания вызывает ненужную затрату времени на установление обстоятельств, не имеющих значения по делу.

В ст. 407¹ УПК УССР (ст. 369 УПК РСФСР) в качестве предмета доказывания по делам об условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду следует включить такие обстоятельства: 1) характеризующие личность осужденного (возраст, состояние здоровья, трудоспособность); 2) его поведение в ИТУ, позволяющее сделать вывод о степени его исправления и перевоспитания (отношение осужденного к правилам внутреннего распорядка, труду, участию в общественной жизни ИТУ, реагирование на мероприятия политико-воспитательного характера); 3) свидетельствующие о возможности исправления и перевоспитания лица без изоляции его от общества (желание трудиться, отношение лица к совершенному преступлению и наказанию, положительные связи с семьей, желание лица быть представленным к условному освобождению, наличие у осужденного положительных социальных качеств). Кроме того, отсутствие прямого указания в законе перечня документов, представляемых в суд администрацией ИТУ, снижает качество судебного разбирательства дел этой категории и может привести к вынесению незаконного и необоснованного решения. Представляется, что при направлении в суд представления об условном освобождении осужденного с обязательным привлечением к труду администрация ИТУ должна приобщить следующие документы: заявление осужденного на имя администрации ИТУ с просьбой о представлении его к условному освобождению с обязательным привлечением к труду; развернутую характеристику осужденного; справку о состоянии его здоровья; справку о неприменении к осужденному принудительного лечения от алкоголизма или наркомании либо о том, что курс лечения завершен полностью; справку о наличии (отсутствии) исполнительного листа на осужденного; личное дело осужденного.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38. 2. Басков В. Прокурорский надзор за законностью условно-досрочного освобождения осужденных от наказания.— Соц. законность, 1978, № 8, с. 56—58. 3. Беляська О. Практика умовного звільнення з місць позбавлення волі з обов'язковим залученням засудженого до праці.— Рад. право, 1978, № 9, с. 42—44. 4. Бюллетень Верховного Суда СССР. 5. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 6. Гуткин И. М. Дальнейшее развитие советского уголовно-процессуального законодательства (вопросы теории и практики). М., Академия МВД СССР, 1978. 61 с. 7. Мольков Н. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена его более мягким.— Сов. юстиция, 1978, № 19, с. 4—5. 8. Орел Л. Е. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1966. 17 с. 9. Петуховский М. А. К вопросу о повышении эффективности борьбы с фактами распространения клинковых орудий (оружия) в ИТУ.— В кн.: Проблемы совершенствования деятельности ИТУ. Рязань, 1976, с. 518—523. 10. УПК УССР. Научно-практический комментарий. Киев, Политиздат Украины, 1978. 682 с. 11. Филимонов В. Критерии исправления осужденных.— Сов. юстиция, 1974, № 23, с. 9—10.